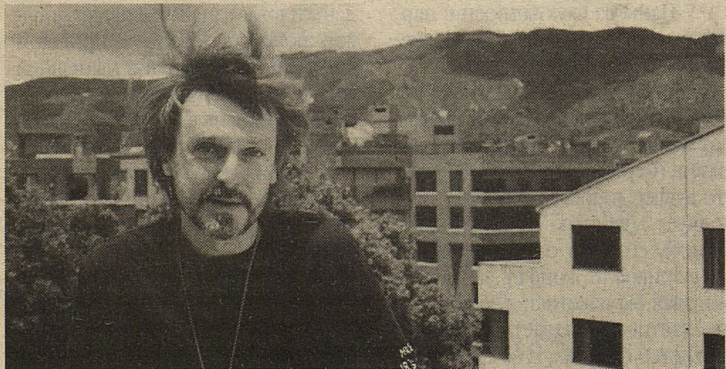

12.8.10.06
(1989)
Микундас Микульскис

Эдмундас Микульскис Голос Литвы

В июле в Москве гастролитовал Малый театр Литвы п/р Римаса Туминаса. Обещанное Театральным агентством Людмилы Гурченко событие действительно оказалось событием. И на него, действительно, собралась вся театральная Москва.

Туминаса в России любят и знают. Он частый гость петербургского фестиваля «Балтийский дом», его спектакли «Маскарад» и «Улыбнись нам, Господи!» Г. Кановича с большим успехом были показаны в рамках прошлых Чеховских фестивалей. Знают Туминаса и по спектаклям, которые он делал в московских театрах, — «Играем Шиллера!» («Современник») и «Ревизор» (Театр им. Евг. Вахтангова). В 1978 году молодой выпускник ГИТИСа Туминас и свой первый спектакль поставил в Москве, в Театре им. К. С. Станиславского, — это была пьеса О. Заградника «Мелодия для павлина». Оформлял спектакль, между прочим, Игорь Попов, художественным руководителем постановки был Анатолий Васильев, а главные роли в спектакле сыграли и тогда, и ныне известные Римма Быкова и Михаил Янушкевич.

Однако такого Туминаса, как показал этим летом Малый театр, мы не знали. Это был разнообразный Туминас, каким он стал на протяжении двух десятилетий, что существует созданный им Малый театр. На гастролях зритель увидел легендарный «Маскарад», не менее известный «Вишневый сад», которым открывался Малый театр, недавнюю постановку «Трех сестер», которые в октябре этого года будут представлены в афише «Балтдома». Мы увидели также неожиданного для Туминаса, «бытового», экспериментального и в общем спорного Беккета («В ожидании Годо»). Но всех без исключения покорила, кажется, спектакль «Мадагаскар» современного писателя Мариуса Ивашквичюса. Театр, который может себе позволить с таким юмором, самоиронией и одновременно любовью анализировать себя, свою нацию и страну, точно, не пропадет.

А вот теперь sic! Естественно, что на гастролях в Москве литовские спектакли переводились на русский. И за пять вечеров с Малым театром голос, их переводивший, стал нам если не родным, то очень знакомым. Симпатичным. Артистичным. С красивым тембром. Короче говоря, сначала мы узнали фамилию обладателя этого голоса — Эдмундас Микульскис. А потом отправились еще и посмотреть, как выглядит этот Голос

«Христос и Антихрист». Алексей

— Откуда же вы такой взяли? Расскажите о себе.

— Родился холодным ноябрьским утром в Вильнюсе — тогда еще Литовской ССР. Папа светлой памяти носил польскую фамилию с литовским окончанием «ис» и литовским же корнем «мик», что значит, «усни». И я ношу ту же фамилию.

— Уснул или Спящий?

— Ну, может быть.

Предваряя ваши вопросы, сразу скажу, что со знаменитым польским актером Станиславом Микульским, ставшим нашим «национальным героем» после сериала «Ставка больше чем жизнь», я никакого родства не обнаружил.

— А жаль. Хороший актер.

— Жаль. Когда поступал на театральный факультет Литовской консерватории, комиссия этим тоже интересовалась. Фамилий Микульскис, Микульский, Микульски немало и в Литве, и в Польше, и в Америке. Как Ивановых в России. Мама у меня — носительница сразу двух религий, и католичества, и православия. Среди соседских мальчишек и девчонок, с которыми мы играли «в театр», кого только не было! И литовцы, и русские, и поляки, и евреи. Впрочем, как в каждом дворе и, наверное, в каждом городе бывших советских республик. Как все вильнюсские дети, я говорил сразу на всех языках. В моем речевом багаже накопились и русские, и польские, и литовские, и украинские слова. Была даже проблема, в какую школу меня отдавать. Но она разрешилась сама собой, к семи годам я уже сносно умел читать по-русски. Когда много позже, на гастролях в Польше, в городе Катовице, где я играл Иешуа в спектакле «Мастер и Маргарита» Романа Виктюка, у меня кто-то допытывался, какую же все-таки культуру я представляю — польскую, литовскую или русскую, я надолго задумался.

А все мои, видимо, сумбурные, но искренние попытки объяснить, как хорошо любить всех и соединять в себе сразу несколько культур, увенчались статьей под дурацким стандартным названием «Я — советский человек». Так вот, возвращаясь к детству. Закончил я русскую школу им. Ив.Д. Черняховского, а параллельно — музыкальную школу, где преподавание велось на литовском языке. Еще в школе большую часть урочного времени ходил кругами вокруг Русского драматического театра и мечтал стать актером. Ничего другого я для себя не видел — только туда!

— Как же сбылась мечта?

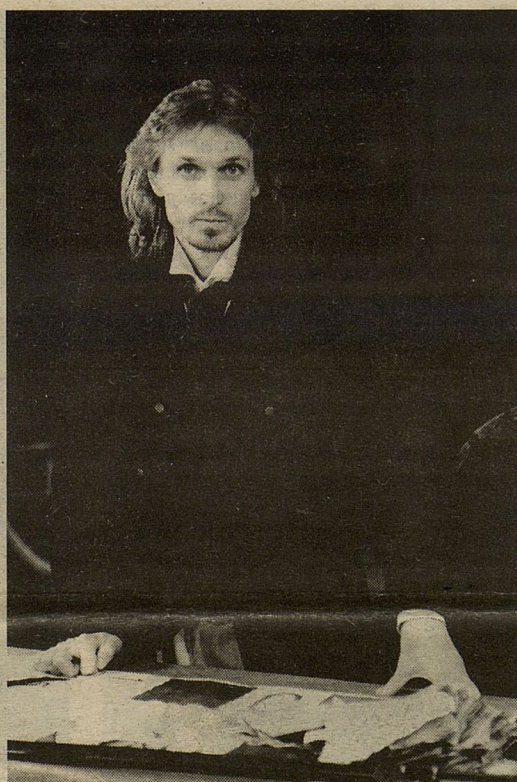
— Как будто свыше все было спланировано. К моменту окончания школы курс для Русского театра в тогдашней Консерватории, а ныне музыкальной Академии набирал Виталий Ланской. Он в то время и руководил Русским театром. Мне кажется, именно в тот период я сознательно и впитал в себя основы русской культуры. Чего стоит одна только литература! С тех пор любимым писателем у меня так и остался Достоевский. Хотя в наше время в этом вроде бы стыдно признаться.

—?

— (Смеется.) Нет, не потому что русский, а потому что Достоевский. Немножко старомодно.

А на втором курсе я уже играл Прова в спектакле по напумевшей тогда пьесе В. Розова «Гнездо глухаря». Мне тогда было семнадцать лет. С нежностью и любовью, трепетом и благодарностью вспоминаю свою первую партнершу — Олю Величеву, которая теперь, кстати, живет в Москве и работает в ВТО.

И вот с того прихода, с «Гнезда глухаря», двадцать лет я проработал в русском театре. Мне посчастливилось, потому что это был период расцвета Русского театра в Вильнюсе. Это был пост-виктюковский период. Роман Григорьевич, наш бунтарь, театр уже покинул, но дух его еще витал в этих стенах. Театр был любим, говорил живым языком. В то время, между прочим, ни один другой театр — разве что театр Юозаса Мильгиниса в Паневежисе — не мог похвалиться такой посещаемостью, как у нас. 90% зрителей, кстати, составляли литовцы, они находили

«Игрок». Алексей Иванович

для себя в нашем театре, наверное, ту же отдушину, что зритель у вас в Москве, на Таганке. Смело могу сказать, что тогда это был передовой театр. Я благодарен ему и за то, что за годы работы актером вдоволь напутешествовался, объездил всю Россию, побывал во многих российских городах.

— Много играли?

— Да уж, немало.

И роли все больше хорошие. Из самых запомнившихся, конечно, Иешуа в «Мастере и Маргарите», царевич Алексей у Д. Мережковского в «Христе и Антихристе», Жадов в «Доходном месте» А.Островского, Герцог в «Мера за меру» У. Шекспира, Больной в «Красном цветке» и Художник в «Надежде Николаевне» В. Гаршина, Коля Корякин в «Расплате» В. Тендрякова, Люгстран в «Женщине с моря» Г.Ибсена, Пастор Иммос у Г. Гауптмана, «Перед заходом солнца», Автор в «Саломе» О. Уайльда... Мечтал сыграть Раскольников, князя Мышкина, а сыграл Алексея Ивановича в «Игроке» Достоевского. Сыграл Альбера в «Скупом рыцаре» Пушкина. Это была последняя режиссерская работа замечательного актера Артема Михайловича

Иноземцева, моего многолетнего партнера и, осмелюсь сказать, друга. Теперь его уже нет на этом свете, а был этот замечательный актер, штудировавший актерское ремесло в Москве, легендарной фигурой для театра Литвы.

Играл я, правда, много. Играл Т.Уильямса и Т.Уайлдера, У.Сарояна и В. Гомбровича, Ю. Грушаса и А. Дударева. Работал с Р. Виктюком и В. Ланским, В. Захаровым и И. Петровым, А. Тумановым и Б. Луценко, Ю. Поповым и В. Кокориным...

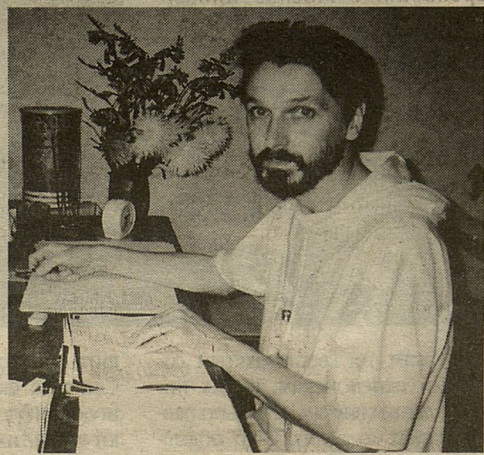
— Когда же вы перевернули эту страницу своей биографии?

— Когда в Литве повеяло горбачевскими ветрами, а в русском театре — сквозняком. Как и у вас тогда, так и у нас, стали востребованы больше не размышления, а развлечения — для людей, уставших от революции и коммерции. Поменялись критерии, ценности. И не только на дворе, но и в театре. Что я вам рассказываю?

Вы это и без меня проходили. Приспосабливаться к новому театральному времени стало в тягость. А «школа переживания», исповедальности, осмысленная и прочувствованная игра и режиссура как-то вдруг стали никому не нужны. Ни в русском театре, ни, кстати, в литовском. Процессы ведь одни и те же. Наш театр тогда называли не Театром русской драмы, а Театром драмы русских.

— Поменять профессию, как сделали у нас, кстати, многие актеры поколения 30–40-летних, не думали?

— Знаете, Бог не одарил меня коммерческой жилкой. В общем, началось «безвременье», которое я заполнил театральной педагогикой. Преподавал в Музыкальной академии и Консерватории основы актерского мас-

Перед спектаклем

терства. Это занимало все время. Окунувшись в эту стихию, я вдруг понял, что в ней можно и утонуть. И даже хотел утонуть! Испытал какой-то подъем, юношеский азарт. Как будто «вторая молодость» началась. Дни и ночи репетировал с теми, кто жаждал научиться актерскому мастерству и хотел работать. Работали только с хорошей литературой. Много с русской классикой. В результате вышло несколько моих спектаклей по Достоевскому, Ибсену, Чехову, Уайльду, Пушкину. А потом вдруг подвернулся случай.

— Вот с этого места, пожалуйста, подробнее.

— Пожалуйста (смеется). Однажды Русский театр сдал помещение для репетиций Эймутасу

После «Мастера и Маргариты» с Р. Виктюком, С. Маковецким, А. Иноземцевым

Някрошюсу. Это были репетиции «Маленьких трагедий» Пушкина, «Дон Гуан» и «Моцарт и Сальери». Отказать себе в желании понаблюдать за этим процессом, и тоже дни и ночи напролет, было просто невозможно. А потом, перед гастролями Някрошюса в Питер, мне предложили переводить этот спектакль на фестивале «Балтийский дом». С этого и началась моя жизнь «ретранслятора». С тех пор я «напе-реводил» очень много.

— **А что именно?**

— Из спектаклей Някрошюса, кроме Пушкина, практически все, что привозили в Россию, — «Три сестры», «Гамлет», «Макбет», «Отелло», «Времена года», «Песнь песней». Потом переводил спектакли Римаса Туминаса. Кроме тех, что были показаны на этих московских гастролях, — «Улыбнись нам, Господи!», «Г. Кановича» и «Царя Эдипа». Переводил и спектакли Оскараса Коршуноваса — «Сон в летнюю ночь», «Ромео и Джульетту», «Мастера и Маргариту», «Царя Эдипа», «Город» Гришковца. Как однажды сказал обо мне директор фестиваля «Балтийский дом» господин Шуб: «Вы стали голосом Литвы для России». Но это так.

— **Действительно, так. Но — примите от нас комплимент — не всякий голос, что переводит в Москве иностранных гастролеров, зритель узнает и начинает любить и ценить.**

— Благодарю вас и хотел бы, пользуясь случаем, поблагодарить тех зрителей, которые на московских гастролях Туминаса, блуждали по закулисным лабиринтам Театра им. Вл. Маяковского, чтобы отыскать мою «голубятню», посмотреть на переводчика и сказать ему «спасибо».

Я, правда, в это дело втянулся. Я его полюбил. Мне самому стало интересно — не просто монотонно читать текст, а «разгадывать задачки», которые мне на каждом новом спектакле подкидывают литовские актеры и режиссеры, улавливать их сценические желания и попытки, пытаться передать сиюминутное, «здесь и сейчас», ощущение спектакля. Они ведь каждый вечер играют по-разному. Проще говоря, и в этом переводческом деле все по актерской школе — чего хочет мой герой? чем живет? из-за чего сгорает? Только герой не один, а их много. И надо, чтобы зритель никого ни с кем не перепутал.

— **А как вы «разгадываете» то, что делают на сцене актеры Някрошюса?**

— Не знаю (смеется). Возможно, интуиция Скорпиона?.. Помню Някрошюса на одной из первых увиденных мной репетиций. Он подошел к актеру, исполнявшему роль Моцарта, и, вздохнув, сказал:

«Понимаешь...» Потом долго около него стоял, впевив взгляд в его грудную клетку. Звонящая тишина в зале, а потом Някрошюс, на выдохе: «Ну, ты понимаешь...»

— **Что проще переводить, а что сложнее? Наверное, классику труднее, но приятнее, чем новую драму. А мужчине или женщине? Хорошего актера или плохого? Героев или злодеев?**

— Труднее всего, если актер не зажигает и не «светится». Есть такое выражение в актерской среде: хорошо или плохо, «лампочка горит» или «не горит». Так сложнее всего, если «не горит». Сложно, ко-

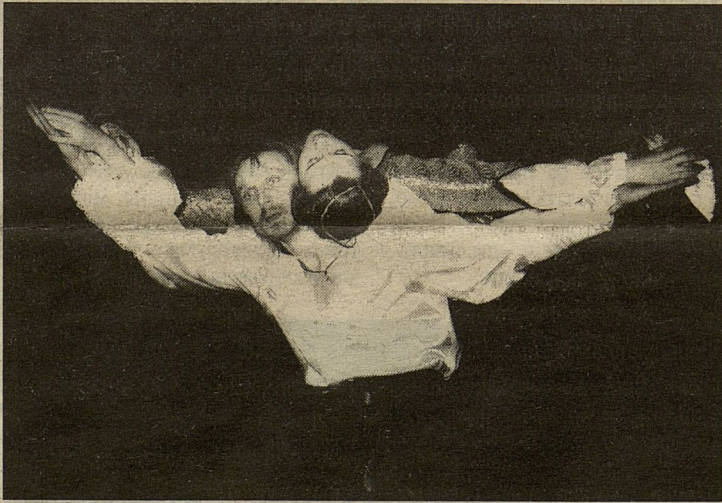
сы. С тоской представляю себе, что там их ждет хотя бы пятиминутный отдых, глоток воды и пара затяжек сигаретой.

— **А как вы мифите в себе актера и переводчика?**

— С трудом. Это трудоемкая работа, если берешь на себя ответственность за весь спектакль, за то, как будут приняты актерские работы, а не просто сядешь прочесть 50–70 страниц текста. Поэтому иногда даже «подогреваешь» себя перед спектаклем, как актер, вспоминаешь любимые места в спектакле.

В спектакле «В ожидании Годо», например, актеры часто импровизируют. Поэтому я обкладываюсь обычно всеми возможными вариантами и все равно иногда не успеваю предусмотреть, куда может завести актера учащенный пульс, повышенное давление... просто забывчивость. Приходится импровизировать вместе с ними. Для этого нужно существовать в ритме актера — думать с той же скоростью, что и исполнитель на сцене.

Когда перевожу «Мадагаскар», откровенно кайфую. Я не чувствую, что я не на сцене! Просто работаю для другого актера, который на сцене, хочу, чтобы он был обязательно понят. Наверное, это странно звучит из уст актера... Но я знаю, как это важно актеру на сцене — сразу получить отклик, реакцию в зрительном зале. Поэтому иногда, уж извините,

«Маленькие трагедии». Дон Гуан. Донна Анна — А. Бизунович

гда ты знаешь, что актер может сыграть, но сегодня у него что-то не клеится. Тогда ты как футбольный болельщик. Тебе хочется, чтобы все получилось, чтобы «наши» выиграли. Поэтому, скажем, сегодня ты одариваешь актера тем, чем он тебя вчера одарил, когда игра складывалась. Ты чуть-чуть помогаешь. Ты заинтересованный зритель. Ты соучастник. Сложно переводить, если не принимаешь режиссерское решение. А если ты переводчишь, его нужно принять. Нужно не злиться, а полюбить. И всегда хочется перевести так, как будто спектакль идеален, как будто там, на сцене, все переполнено чувствами. Чтобы спектакль был таким, каким его задумал режиссер.

— **Подготовка к переводу занимает много времени? Как вообще она происходит?**

— Времени на это уходит немало. А работаю я, как обычно. Как раньше всегда работали актеры. Пользуясь тем, что, казалось, будет сметено и исчезнет из актерской профессии бесследно: «предлагаемые обстоятельства», «сквозное действие», «сверхзадача» и т.д., и т.п. Хочется, чтобы линия роли, «процесс жизни» каждого актера, находящегося на сцене, не прерывался. Не скрою, иногда завидую, как переводчик, актерам, которые во время действия уходят за кули-

с приходится уточнять, «исправлять» текст оригинала, даже если это Чехов или Пушкин. Т.е. переводить с литовского на русский синхронно, чтобы в ту же секунду прозвучала какая-то важная фраза или слово.

— **Мы это поняли, когда в известной реплике лакея Яши, обращенной к Дуняше, вместо «огурчика» появилось «яблочко». Актеры вас как переводчика любят?**

— Иногда сталкиваюсь с ревностью. У актеров, видимо, возникает ощущение, что переводчик отнимает у них кусок хлеба (а хотел-то дать!). «Спасибо» говорят... не часто. Наверное, актеру трудно признать, что он понят, услышан и принят не только потому, что находится на сцене.

— **А что по этому поводу говорят режиссеры, чьи спектакли вы переводили?**

— Представьте себе, ни один из них ни разу не слышал своего спектакля в наушниках. Я же, как правило, перевожу на гастролях, а у режиссеров в это время уйма проблем. Хотя мне жаль, что ни один из них не слышал свой спектакль в моем «исполнении».

— **Где вы служите теперь и в каком качестве?**

— Вообще-то, если вы помните начало нашего разговора, я актер

(смеется). Это моя первая профессия и самая любимая. Теперь служу актером в Малом театре Туминаса. Однако шлейф переводчика потянулся за мной и сюда.

— **А может, не шлейф, а слава.**

— Ну, может. Но знаете, иногда обидно. Назначит меня режиссер на роль и потом спрашивает: «А кто будет переводить в России?» Мне вот очень хотелось сыграть в Москве Кулыгина в «Трех сестрах», тем более что москвичи, смотревшие спектакль в Вильнюсе, говорили, что такого Кулыгина им еще видеть не доводилось. Но — не судьба. Хотя, так или иначе, давнишняя мечта работать у Туминаса сбылась, я ввелся в его знаменитый «Маскарад», сыграл Бобчинского в «Ревизоре», а на Кулыгина посмотреть приезжайте в Вильнюс.

— **Какой из пяти спектаклей Туминаса в Москве было труднее всего переводить?**

— Ужасно струсил, когда увидел в афише С. Беккета, «В ожидании Годо». Это ведь очень литовский, как мне кажется, «Годо». Но Римас меня успокоил: «А нам-то что? Как переведешь, так и примут. Но если что, виноват будешь ты». Когда оговаривали программу литовского вечера в Москве, актеры надо мной шутили: «А пусть Эдмундас по-русски литовский гимн споет».

Нынешние гастролы начались задолго до их реального начала. У меня лично на подготовку ушел весь отпуск. И только в Москве немного отпустила «трясучка».

Признание Москвы нашему театру очень дорого. Все-таки здесь та театральная среда, из которой вышла и которой питалась когда-то театральная школа Литвы. На последнем сборе труппы перед поездкой в Москву Туминас сказал так: «После этих гастролей театр должен понять, он кончился или имеет право продолжать работать». Ну, а оценки своей работы переводчика я могу ждать только в Москве и только в России.

— **Как вам наша публика? Вы же ее, наверное, и слышите, и видите, когда переводите?**

— Снимаю перед ней шапку. Отзывчивая, эмоциональная и непосредственная, как раньше. Такая публика существует все-таки только в России.

— **Литовский Малый театр впервые приехал в Москву с такими большими гастролями и мы успели составить себе представление о том, что такое театр Туминаса. А вы — успели понять, что такое Москва-2006?**

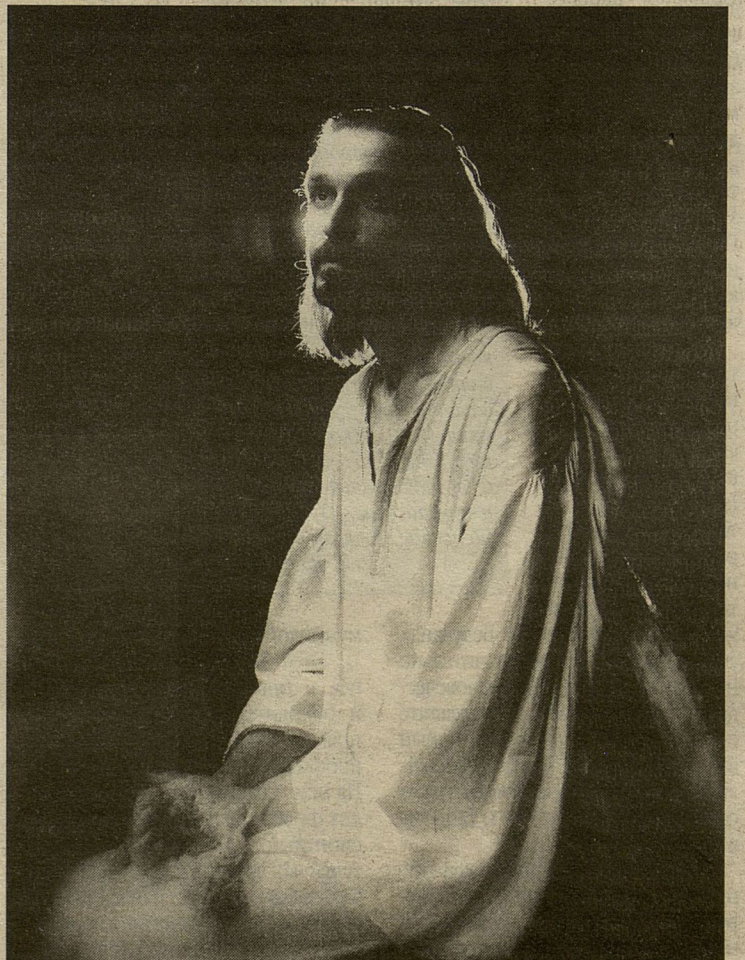
— Если честно, не очень. В этот приезд Москва для меня исчерпывалась дорогой от Ржевского переулка, где мы жили, до Большой Никитской и Театра Маяковского, где мы играли. А побродить по городу «просто так» хотелось бы. Мое знакомство с Москвой, с московскими театрами началось еще со студенческих времен, когда мы сюда приезжали «подпитываться». Билет же до Москвы стоил так дешево! Для меня Москва до сих пор — это город Иннокентия Смоктуновского, Евгения Леонова, Татьяны Дорониной, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Николая Караченцова... Конечно, я отношусь к этому городу, как можно относиться к своей юности. Поэтому Москва для меня не заграница, и наличие таможни до сих пор удивляет.

— **Какие у вас планы дальше на этот сезон?**

— Буду переводить спектакли Коршуноваса на гастролях в Нижнем Новгороде. Интересно, я был в этом городе, когда он еще назывался Горьким... В сентябре в Малом театре у нас вышел спектакль «Дом, который построил Свифт». Эта пьеса Г. Горина, по которой М. Захаров снял известный фильм, пригласилась ведущему актеру нашего театра Сигитасу Рачкису. Он играл Вершинина в «Трех сестрах». Теперь он режиссер и сам Свифт, а я играю роль Патрика, его верного слуги.

Беседу вели
Наталья Казьмина
и Павел Тихомиров

Фото В. Речинскаса, С. Баргилла,
В. Григорьева и из архива
Э. Микюльскаса

«Мастер и Маргарита». Иешуа